

ПРОКЛЯТЫЙ ДОМ

18+

Андрей Интереснов

Проклятый дом

«Автор»

2026

Интереснов А. А.

Проклятый дом / А. А. Интереснов — «Автор», 2026

Молодая семья Павел и Настя приобретают старый разрушенный особняк 19 века под воплощение мечты, но у них ничего не выходит.

© Интереснов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Интереснов

Проклятый дом

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава Название	
Пролог —	
Глава 1 Мечта, рождённая в безысходности	
Глава 2 Ад	
Глава 3 Ольга	
Глава 4 Пятно	
Глава 5 Полиция и нарастающее безумие	
Глава 6 Призраки	
Глава 7 Безумие	
Глава 8 Крах	
Глава 9 Последняя ночь	
Глава 10 Правда	
Эпилог Жизнь продолжается	

ПОСВЯЩЕНИЕ

Екатерине

Это моя первая книга в таком жанре. И я написал её специально для тебя.

Эта книга — о страхе, о вине, о том, как одна ошибка может разрушить всё. Но она и о том, что даже в самой тёмной истории есть свет, если рядом есть тот, кто держит за руку.

Спасибо, что была рядом. Спасибо, что верила.

ПРОЛОГ

Дом стоял на холме, как старый раненый зверь, который давно смирился с тем, что его никто не спасёт. Три гектара земли, когда-то ухоженных, превратились в джунгли. Высокая трава, заросли сирени, старые яблони, которые уже не плодоносили. Ветки скребли по стенам, как пальцы умирающего.

Фасад, некогда кремово-белый, стал грязно-серым. Штукатурка осыпалась кусками, обнажая красный кирпич, кое-где уже начавший крошиться. Окна — пустые глазницы — зияли чернотой. На одном из них ещё болтался кусок рамы, и ветер заставлял его тихо постукивать по стене. Кованый балкон, когда-то украшенный изящными завитками, покосился на один бок, держась на честном слове и нескольких ржавых болтах.

Внутри было темно. Запах — смесь плесени, сухой штукатурки, мышинного помёта и ещё чего-то сладковатого, что появляется, когда дерево начинает гнить долгие годы без призора. Входная дверь, огромная, дубовая, с медными ручками, которые позеленели от времени, открывалась со скрипом, похожим на стон.

Холл был величественным даже в разрухе. Четырёхметровый потолок, лепнина — ангелы, виноградные лозы, розы, — была испорчена только в одном месте, где отвалился кусок, обнажив старую дранку. Камин из тёмно-зелёного мрамора с прожилками, массивный, с резными колоннами. Пыль лежала толстым слоем, как будто время остановилось здесь.

Настя вошла и замерла. Она не видела разрухи. Она видела то, что будет.

Она провела рукой по лепнине, и пальцы оставили полоски на вековой грязи. Сердце билось быстрее.

— Мы сделаем это, — сказала она.

Дом молчал. Он смотрел на неё пустыми глазами и ждал.

ГЛАВА 1. МЕЧТА, РОЖДЁННАЯ В БЕЗЫСХОДНОСТИ

Настя сидела на кухне их маленькой двушки на окраине города и смотрела на кредитную выписку. Бумага была испещрена красными цифрами, и они пульсировали, как рана, которая не заживала. Семь лет прошло с тех пор, как она встретила Павла. Семь лет арендованной жизни, семь лет откладывания на ипотеку, семь лет компромиссов и надежд, которые таяли с каждой просрочкой. Семь лет, за которые она почти перестала верить в чудеса.

За окном был серый город, серое небо, серая жизнь. Дома напротив, такие же серые, как и их собственная квартира. Машины на улице вечно куда-то спешили, но никогда не приезжали никуда, что имело значение. Люди проходили мимо, не глядя друг на друга. Настя смотрела на эту картину и чувствовала, как внутри закипает отчаяние. Она думала о том, что так будет всегда. Что они застряли в этой колее, из которой нет выхода.

Она посмотрела на свои руки — тонкие, с обломанными ногтями, с маленькой потёртостью от кольца, которое она давно перестала носить. Эти руки когда-то рисовали эскизы, мечтали, держали за руку Павла в самые счастливые моменты. Теперь они просто перебирали бумаги и считали просрочки.

В прихожей звякнули ключи. Павел вошёл, усталый, с мешками под глазами. Пальто было старым, потёртым на локтях — он носил его уже пять лет, потому что на новое не было денег. Он снял его, повесил на спинку стула и сел напротив. Движения были медленными, как у человека, который тащит на себе непосильный груз.

— Опять? — спросил он, взглянув на выписку. Его голос был тихим, безжизненным.

— Опять, — тихо ответила она. — Мы не вылезем, Паша. У нас нет ни денег, ни перспектив. Я не могу больше так жить.

Она положила руки на стол. Пальцы дрожали.

Павел молчал. Он смотрел на неё, и в его глазах была та же усталость, что и у неё. Но где-то глубоко ещё теплился огонёк, который она боялась погасить.

— Я знаю, — сказал он наконец. — Я тоже думаю об этом каждый день. Каждый раз, когда я просыпаюсь, я думаю: что мы будем делать? Как мы выберемся? И я не нахожу ответа. Но я хочу предложить кое-что.

Он достал из рюкзака сложенный лист бумаги и положил на стол. Бумага была помятой, на ней были его заметки, цифры, расчёты. Он носил её с собой уже две недели, пересчитывая и пересчитывая каждый вечер.

— Просто посмотри. Не говори ничего, просто посмотри.

Настя развернула лист. Это было объявление о продаже старого особняка. Чёрно-белая фотография, сделанная, кажется, лет двадцать назад — плёнка уже начала выцветать по краям. Дом с башенкой, резными наличниками, кованым балконом. Даже на этой плохой фотографии он казался красивым. Казалось, что он дышит, что у него есть душа.

«Продаётся купеческая усадьба начала XX века. Земля — 3 гектара, здание — 780 кв. м. Цена низкая в связи с аварийным состоянием и статусом объекта культурного наследия».

Настя несколько раз перечитала объявление. Цифры не менялись. 3 гектара. 780 квадратных метров. Смешная цена.

— Три гектара? — переспросила она, чувствуя, как внутри шевелится что-то, что она давно похоронила. — Ты предлагаешь купить это? Мы не можем себе позволить даже ипотеку на двушку.

— Слушай, — сказал Павел, и его голос стал более живым, более тёплым. — Я всё посчитал. Кредит на покупку и ремонт. Банк даёт программы для предпринимателей. Если мы сделаем гостевой дом, окупаемость — пять лет. Дальше — чистая прибыль. Мы переедем туда. Будем жить на своей земле.

Он развернул перед ней свой эскиз, нарисованный от руки на миллиметровке. Большой дом, гостевые домики на территории, парковка, сад, пруд. Дорожки, беседки, зона для барбекю. Ресторан с панорамными окнами, выходящими на реку. Всё было прорисовано до мельчайших деталей — он потратил на это много вечеров.

— Мы можем сделать всё, — сказал он. — Спа, ресторан, место для свадеб. Это будет не просто дом. Это будет место, куда поедут со всей области. Мы будем хозяевами своей жизни.

Настя смотрела на эскиз, и внутри неё просыпалось что-то, что она давно похоронила. Надежда. Тёплая, хрупкая, почти несмелая.

— Я боюсь, — сказала она, и голос её дрогнул.

— Я тоже, — ответил он, протягивая руку и накрывая её ладонь своей. — Я ужасно боюсь. Но я ещё больше боюсь, что мы проживём так всю жизнь. В этой дыре. С этими кредитами. Ничего не меняя.

Она сжала его руку. Пальцы были холодными, но внутри разливалось тепло.

— Давай попробуем, — сказала она. — Мы попробуем. И если не получится — хотя бы будем знать, что пытались.

Вечером того же дня Настя позвонила матери. Она сидела на кухне, сжимая телефон в руках, и смотрела в стену. На стене висела фотография их свадьбы — молодая, счастливая, в белом платье. Она казалась такой далёкой.

— Мам, — сказала она, когда мать взяла трубку. — У нас с Пашей новый план.

— Какой ещё план? — голос матери был настороженным. — Вы опять влезли в долги?

— Нет... ну, да. Но это будет наш дом. Мы купим старую усадьбу за городом и сделаем гостевой дом. Три гектара земли, огромный особняк. Мы переедем туда, будем жить на своей земле.

Тишина на том конце провода.

— Настя, — медленно сказала мать. — Вы не строители. У вас нет денег. Ты понимаешь, на что подписываешься?

— Мы справимся, мам. Мы всё продумали.

— Ты всегда так говоришь, — ответила мать. — А потом плачешь мне в трубку. Я тебя знаю. Ты не умеешь отказывать себе в надежде.

Настя хотела возразить, но слова застряли в горле.

— Мам, — сказала она, и голос её стал тише. — Я не могу больше так жить. Я не могу каждый день смотреть на эти счета и знать, что у нас ничего нет. Я хочу свой дом. Я хочу знать, что мы не просто существуем, а живём.

Мать помолчала.

— Если что-то пойдёт не так, я здесь. Приезжай. Я всегда буду рядом. Но я надеюсь, что у вас всё получится. Просто будь осторожна.

Они поговорили ещё несколько минут. Мать спрашивала про работу, про здоровье, про Павла. Настя отвечала односложно.

— Я люблю тебя, мам, — сказала она перед тем, как положить трубку.

— Я тебя тоже, дочка. Береги себя.

Настя выключила телефон и заплакала. Она сидела на кухне, уткнувшись лицом в ладони, и плакала — тихо, беззвучно, чтобы Павел не услышал. Она плакала от страха, от надежды, от усталости.

Через неделю они приехали на осмотр. Утро было туманным, и дом появился перед ними постепенно, как призрак из сна. Он стоял на холме, окружённый старыми липами. Ветви касались земли, укрывая участок тенью. Трава была высокой, по пояс, и шуршала под ногами.

Настя шла по дорожке, которая когда-то была вымощена камнем. Теперь камни заросли мхом, и ноги проваливались в мягкую землю. Она чувствовала запах сырости, прелой листвы и чего-то сладковатого, что напоминало ей о детстве. Она подошла к дому и замерла.

Даже в разрухе он был величественным. Резные наличники на окнах, башенка с флюгером, кованый балкон — весь покрытый ржавчиной, но всё ещё угадываемый. Фасад был облуплен, штукатурка осыпалась, крыша просела. Но архитектура читалась — модерн с элементами неорусского.

— Боже, — прошептала Настя. — Он дышит. Он чувствует нас.

Агент по недвижимости, лысоватый мужчина в потёртом пиджаке, открыл калитку.

— Особняк Лаврентьевых, — сказал он. — Постройка 1904 года. Архитектор — ученик Шехтеля. Потом — коммуналка, детский сад, забросили. Последние хозяева сгорели в девяностых. С тех пор — никого.

Настя вошла в холл. Запах ударил в нос — тяжёлый, влажный, с примесью плесени, старого дерева и мышиного помёта. Она не поморщилась. Она вдыхала его как что-то живое, как часть истории, которую они могли бы продолжить.

Холл был огромным. Четырёхметровый потолок, лепнина — ангелы, виноградные лозы, розы — сохранилась почти везде, только в одном месте обвалилась. Камин из тёмно-зелёного

мрамора с прожилками — массивный, с резными колоннами. Внутри камина лежали обгоревшие головешки.

Дубовая лестница, широкая, с резными перилами, вела на второй этаж. Ступеньки поскрипывали, но держались. Настя провела рукой по перилам. Древесина была гладкой, отполированной сотнями рук.

— Здесь будут номера для гостей, — сказала она. — Восемь комнат. В каждой — своя атмосфера. Я уже вижу их, Паша.

Павел смотрел на неё и улыбался.

— Ты уже всё придумала?

— Я придумывала это всю свою жизнь, — ответила она.

Они вышли на задний двор. Сад спускался к пруду. Пруд был заросшим — покрыт зелёной ряской, из воды торчали сухие ветки. Но угадывалась его форма: овальный, с каменной окантовкой, которая обвалилась местами. За прудом начинался парк — старые дубы и клёны, дорожки, заросшие травой. За парком — поле, уходящее к реке.

— Три гектара, — сказал Павел. — Можно сделать тропинки, беседки, мостик через пруд. Детскую площадку.

Настя кивнула. Она уже видела это. Она видела, как по дорожкам гуляют гости, как на пруду плавают утки, как в беседках пьют чай. Она видела себя — хозяйкой, которая встречает людей, которая дарит им тепло и уют.

— Мы сделаем это, — сказала она. — Мы обязательно сделаем.

Они не ожидали, что оформление займёт почти три месяца. Каждый день приносил новые препятствия, как будто вселенная проверяла их на прочность. Сначала был банк. Павел принёс бизнес-план, сметы, справки, поручителей. Банковский служащий — молодой человек с безучастным лицом — листал бумаги и задавал вопросы, на которые у Павла не было ответов.

— Срок окупаемости?

— Пять лет.

— Гарантии?

— Залог — сам дом.

— У вас есть поручители?

— Да.

— Мы рассмотрим. Через две недели ответ.

Две недели превратились в месяц. Павел звонил каждый день, сидел в очередях, переделывал документы. Он похудел, осунулся, перестал бриться.

— Вы должны понимать, — сказал наконец служащий, — это рискованный кредит. Но мы одобрили.

Павел выдохнул и упал на стул.

Потом был департамент охраны объектов культурного наследия. Чиновница — женщина в очках с толстыми линзами, с холодным голосом — долго листала их бумаги.

— Фасад можно восстановить только по историческим чертежам. Вы их нашли?

— У нас есть фотографии 1910-х годов, — сказала Настя. — И мы наняли архитектора-реставратора.

— Покажите разрешение.

Архитектора ещё не было.

— Без него я не подпишу разрешение на фасадные работы. Кровля — только по историческим материалам. Черепица — специальная, ручной работы. Аналогов нет.

Павел и Настя вышли из кабинета убитые. Стояли в коридоре, прислонившись к стене.

— Где мы возьмём историческую черепицу? — прошептала Настя.

— Найдём, — сказал Павел.

Они нашли. Объехали полстраны. Мастер, который делал черепицу вручную по старым технологиям, назвал цену.

— Пятьдесят евро за штуку, — сказал он. — Вам понадобится десять тысяч штук.

— Полмиллиона рублей, — прошептала Настя.

— Это искусство, — сказал мастер. — Вы не можете купить искусство дёшево.

Они продали машину. Взяли ещё один кредит. Настя продала свои украшения — маленькое золотое кольцо, которое ей подарила бабушка, и серёжки, которые она носила на свадьбу.

— Мы справимся, — сказала она.

Архитектора-реставратора нашли через три месяца. Пожилой профессор, который изучал усадьбы всю свою жизнь. Он приехал, осмотрел дом, долго молчал и сказал:

— Это Лаврентьевский дом. Жемчужина. Если вы хоть что-то испортите, я подам в суд.

Наконец разрешение было получено. Фасад, кровля, лепнина — под контролем экспертов. Внутренние работы — свободно.

— Мы можем начинать, — сказал Павел.

— Через три месяца, — устало улыбнулась Настя.

Но в её глазах горел огонь. Она верила.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 1.

ГЛАВА 2. АД

Они приехали в дом в первое утро лета. Солнце только начинало подниматься, и лучи его пробивались сквозь листву старых лип, ложась на стены особняка золотыми пятнами. Птицы пели где-то в ветвях, и Настя остановилась на мгновение, чтобы закрыть глаза и вдохнуть этот запах — смесь росы, старого дерева и только что начавшегося дня. Она чувствовала, как внутри неё поднимается волна надежды, такая сильная, что перехватывало дыхание.

Павел стоял рядом, смотрел на дом, и в его взгляде была та же смесь страха и надежды, что и у неё. Он не говорил ни слова, но она знала, что он чувствует то же самое. Они оба понимали, что этот день станет началом чего-то нового. Или концом.

— Мы здесь, — сказал он, наконец, и его голос прозвучал тихо, почти благоговейно.

— Мы здесь, — повторила она, и улыбнулась.

Они вошли в холл. Свет из окон освещал комнату, и в этом свете пыль казалась золотой, танцующей в воздухе. Дом, который они видели в разрухе, начинал превращаться во что-то другое. В обещание. В надежду. В их будущее.

Настя подошла к камину и провела рукой по мрамору. Камень был холодным, но она чувствовала, как он начинает отогреваться под её пальцами. Она закрыла глаза и представила, как здесь будет гореть огонь, как она будет сидеть в кресле у камина, укрывшись пледом, а Павел будет рядом, читающий книгу или просто смотрящий на огонь.

— Это будет наш дом, — сказала она, и голос её дрогнул. — Наш.

Павел подошёл и обнял её сзади, прижался щекой к её волосам. Она чувствовала его дыхание на своей шее, его руки, сомкнувшиеся у неё на талии. В этот момент всё казалось возможным.

— Мы сделаем его красивым, — сказал он. — Ты сделаешь его красивым.

Она повернулась к нему. В её глазах блестели слёзы — слёзы надежды, слёзы страха, слёзы усталости, которые накопились за долгие годы борьбы.

— Я боюсь, — сказала она. — Я так боюсь, что у нас не получится.

— Получится, — сказал он. — Я обещаю.

Они стояли в пустом холле, обнявшись, и дом молчал, глядя на них пустыми окнами. Он ждал. Он всегда ждал.

Начало было полным энтузиазма.

Они приехали с инструментами, водой, едой, спальными мешками и целым багажником стройматериалов. Поставили палатку в холле, натянули тент, чтобы защититься от пыли, завели генератор, чтобы было электричество, и повесили на стену фотографию дома начала XX века — чтобы видеть цель. Каждое утро, просыпаясь на жестком матрасе, Настя смотрела на эту фотографию и говорила себе: «Мы сделаем это».

Первые дни они работали как одержимые, как будто сама мысль о том, что они могут не успеть, заставляла их двигаться быстрее. Они выносили мусор — старые доски, битый кирпич, ржавые гвозди, обломки мебели, которая уже не подлежала восстановлению. Сдирали обои — старые, выцветшие, с рисунком, который уже нельзя было разобрать, слой за слоем, пока на стенах не оставался только голый кирпич. Снимали штукатурку — она осыпалась комьями, оставляя за собой облака пыли.

Их руки были в мозолях. Лица — в пыли. Волосы — в извести. Но они улыбались. Они разговаривали друг с другом, шутили, строили планы. Иногда, когда они останавливались передохнуть, Павел смотрел на Настю и говорил:

— Ты посмотри на себя. Ты вся в пыли. Но ты прекрасна.

Она смеялась и отмахивалась, но внутри у неё теплело. Это были хорошие дни.

К концу первой недели холл был чистым. Настя стояла посередине и смотрела на голые кирпичные стены. Кирпич был старым, тёмно-красным, с отпечатками пальцев мастеров, которые клали его сто лет назад. Она провела по ним рукой, и ей показалось, что кирпичи тёплые, как будто они сохранили тепло тех рук, которые их касались.

— Здесь жили люди, — сказала она. — Они ходили по этому полу, дышали этим воздухом. Мы вернём им их дом.

Павел стоял рядом и смотрел на неё. Он видел, как она светится изнутри, как мечта оживает в её глазах. Он не мог отвести взгляд.

— Давай сначала сделаем крышу, — сказал он, наконец. — Без крыши всё остальное бессмысленно.

Настя кивнула. Она знала, что он прав. Но внутри неё уже начала зарождаться тревога. Она не знала тогда, что крыша станет их первым кошмаром.

Павел залез наверх в первое утро второго месяца. Он стоял на старых, прогнивших досках, и ветер играл с его волосами. Внизу Настя держала лестницу, глядя на него с беспокойством. Он снял одну старую черепицу — она треснула в его руках и раскололась на две части. Вторая пошла трещинами, рассыпалась на куски, как только он коснулся её. Третья тоже раскололась. Четвёртая, пятая, десятая — все были в трещинах, все ломались при малейшем прикосновении. Старая черепица, которой было больше ста лет, превратилась в хрупкий материал, который рассыпался в труху.

Павел спустился вниз. Его руки дрожали — не от усталости, а от отчаяния. Он стоял перед ней и молчал.

— Мы не можем использовать это, — сказал он, наконец. — Всё сгнило. Надо заказывать новую.

— Сколько? — спросила Настя, хотя уже знала ответ.

— Десять тысяч штук, — сказал он, и его голос дрогнул. — Полмиллиона рублей.

Настя закрыла глаза. Она не плакала, но внутри неё что-то сжалось, сжалось так сильно, что она едва могла дышать. Она чувствовала, как надежда, которая так долго теплилась в её груди, начала угасать.

— Мы закажем, — сказала она, открывая глаза. — Мы найдём деньги.

Она не знала, как, но она знала, что должна сказать это. Должна сохранить надежду.

Черепица пришла через месяц — два огромных грузовика, полных тяжёлых ящиков. Они вдвоём разгружали их, таскали ящики, складывали под навес. Каждый ящик весил под тридцать килограммов, и через час руки Насти онемели, а спина начала болеть. Но она не останавливалась. Она смотрела на эти ящики и видела в них своё будущее.

— Мы справимся, — говорила она, вытирая пот со лба.

Она не знала, что впереди ещё четыре катастрофы. Что этот дом, который она так любила, начнёт забирать у неё всё, что у неё было.

Первая катастрофа случилась через две недели после того, как они начали укладывать черепицу.

Они закончили ставить стропила на одной из секций крыши и накрыли их плёнкой — плотной, чёрной полиэтиленовой плёнкой, которую Настя купила в строительном магазине. Плёнка должна была защитить дерево от дождя, пока они не положат черепицу.

Но в ту ночь поднялся ветер. Не просто ветер — ураган. Он дул с такой силой, что старые липы гнулись до земли, а с реки летели брызги воды. Плёнка, которую они закрепили, не выдержала. Она рвалась на части, как бумага. Огромные куски чёрной плёнки взлетали в воздух, кружились над домом и улетали в темноту, к реке.

Павел проснулся от шума. Он выбежал из палатки, включил фонарь и увидел, как ветер срывает последние куски плёнки, как обнажённые стропила мокнут под дождём.

— Нет! — закричал он. — Нет!

Он попытался выбежать на улицу, чтобы закрепить плёнку, но ветер был слишком сильным. Он сбивал его с ног, бросал в лицо песок и мелкие камни. Павел упал, ударился коленом о камень и лежал на земле, глядя, как их работа улетает в темноту.

Утром они увидели ущерб. Стропила были мокрыми, как будто их окунули в воду. Древесина, которую они обработали защитным составом, напиталась влагой. Часть стропил уже начала деформироваться — они пошли волнами, потеряли свою форму.

— Мы потеряли неделю, — сказала Настя, стоя под дождём и глядя на разрушенную плёнку. Её голос был пустым. — Мы должны переделать.

— У нас нет времени, — сказал Павел. — И нет денег на новую плёнку.

— У нас нет выбора.

Они купили новую плёнку. Более плотную, усиленную. Они закрепили её лучше — прибили досками, прижали грузом, завязали верёвками. Но ветер вернулся через три дня.

Плёнка снова порвалась. Не вся, но достаточно, чтобы внутрь попала вода. Стропила снова намокли. И на этот раз они начали гнить — чёрные пятна появились на дереве, и Павел знал, что это значит.

Павел стоял на крыше и смотрел на свою работу. Он не плакал. Он просто стоял и смотрел на эти чёрные пятна, как на приговор.

— Мы не можем так дальше, — сказал он. — Это бесполезно.

Настя молчала. Она не знала, что сказать. Она стояла внизу, глядя на него, и чувствовала, как внутри неё разрастается пустота.

Вторая катастрофа случилась через две недели.

Павел решил не ждать, пока они уложат всю черепицу, и начал укреплять стропила, которые уже начали гнить. Он заказал новые доски, обработал их защитным составом, начал заменять повреждённые. Он работал один, потому что Настя была занята на кухне — она готовила обед на газовой горелке и сортировала материалы.

Павел вытаскивал старые стропила и вставлял новые, работая быстро, почти лихорадочно. Он не рассчитал нагрузку. Старые стропила, которые он уже вытащил, перестали держать вес. Новая конструкция была слабее, чем он думал.

Он услышал треск. Глухой, тяжёлый. А потом — грохот.

Секция крыши, которую он переделывал, обрушилась. Деревянные балки, доски, несколько ящиков с черепицей — всё рухнуло вниз, в комнату второго этажа. Обломки летели во все стороны, поднимая облака пыли и щепок.

Павел едва успел отскочить. Он упал на крышу соседней секции, ударился головой о стропило и потерял сознание на несколько секунд. Когда он очнулся, в ушах звенело, а перед глазами всё плыло. Он чувствовал, как кровь стекает по лицу, смешиваясь с потом.

Настя прибежала на шум.

— Павел! — закричала она. — Павел, ты жив?!

Она вбежала в комнату второго этажа и увидела гору обломков — балки, доски, черепица, всё было перемешано. Павел сидел на крыше, держась за голову, и кровь текла по его лицу.

— Я жив, — прохрипел он. — Но крыша... крыша упала.

Они смотрели на обломки и молчали. Вся работа, все деньги, все усилия — рухнули за одну секунду. Настя чувствовала, как внутри неё что-то ломается, как надежда превращается в пепел.

— Что мы будем делать? — прошептала она, и голос её дрожал.

— Я не знаю, — ответил Павел, и в его голосе впервые за долгое время прозвучало отчаяние.

Третья катастрофа случилась через пять дней.

Настя работала на лестнице — красила потолок в гостиной. Лестница была старой, деревянной. Она пошатывалась, но у Насти не было другой. Она стояла на самом верху, тянулась к потолку с валиком, и песня тихо звучала у неё в голове — она напевала её, чтобы не думать о страхе.

Павел был на улице, разбирал обломки старой крыши. Он не видел, как лестница качнулась.

Настя поскользнулась. Валик выпал из рук, и она потеряла равновесие. Лестница качнулась и рухнула в сторону. Настя упала с высоты двух с половиной метров. Она ударилась ногой о бетонный пол, и раздался хруст — глухой, противный хруст кости, который она запомнит на всю жизнь.

Она закричала.

Павел услышал её крик и побежал в дом, спотыкаясь на ступеньках, ударяясь плечом о дверной косяк. Он вбежал в гостиную и увидел Настю на полу. Она лежала на боку, бледная, с выступившим на лбу холодным потом. Левая нога была вывернута под странным углом, и он сразу понял, что это серьёзно.

— Настя! — закричал он. — Настя, что случилось?!

— Я упала... — прошептала она. — Лестница... я упала.

Он подбежал к ней и попытался поднять, но она закричала снова, громко, пронзительно.

— Не трогай! — закричала она. — Больно! Не трогай меня!

Он вызвал скорую. Пришлось ждать полтора часа — они были далеко от города. Всё это время он сидел рядом с ней, держал её за руку и не знал, что делать. Она плакала, кусала губы, чтобы не кричать, и он чувствовал себя беспомощным.

— Всё будет хорошо, — говорил он, как будто мог убедить её. — Всё будет хорошо. Я здесь. Я с тобой.

В больнице ей наложили гипс. Перелом лодыжки со смещением. Восемь недель без нагрузки на ногу.

— Мы не можем восемь недель ждать, — сказал Павел, глядя на её гипс. Его голос был пустым.

— Придётся, — ответила Настя, и её голос был таким же пустым. — Или ты будешь делать всё один.

Он смотрел на неё и понимал: он не сможет один. Он едва справлялся с ней рядом, а теперь она была беспомощна. Он чувствовал, как внутри него разрастается паника.

Настя лежала на койке в больнице, смотрела в белый потолок и сжимала телефон в руках. Нога болела, голова кружилась от обезболивающих. Она набрала номер матери, и когда та взяла трубку, голос Насти дрогнул.

— Мам, — сказала она. — Я упала с лестницы. Перелом.

— Боже мой! — голос матери был полон ужаса. — Где ты? Что случилось?

— Я в больнице. Всё будет хорошо, просто гипс. Но... я не знаю, что делать.

— Что значит «не знаешь»? Ты лежи, отдыхай! Павел где?

— Он на стройке, — сказала Настя, и слёзы потекли по её щекам. — Мам, я не выдерживаю. Этот дом пожирает нас. Мы вложили всё, у нас нет денег, нет сил, а он всё ещё развалина. Мы не можем сделать ничего правильно. Всё рушится.

— Настя, — сказала мать твёрдо. — Ты должна остановиться. Ты не железная. Если вы не можете — бросьте это.

— Мы не можем бросить, мам. Кредиты. Мы завязли. Если мы бросим — мы потеряем всё.

Мать помолчала. Когда она заговорила снова, голос её смягчился.

— Я могу приехать, — сказала она. — Я помогу вам. Деньгами, руками, чем угодно.

— Нет, мам, — ответила Настя. — Ты уже помогаешь. Просто... просто будь рядом.

Они поговорили ещё несколько минут. Мать рассказывала про соседей, про погоду, про что-то обыденное, что вдруг стало самым важным. Настя слушала и плакала, но внутри ей становилось легче.

— Я люблю тебя, дочка, — сказала мать перед тем, как положить трубку.

— Я тебя тоже, мам, — ответила Настя.

Она выключила телефон и закрыла глаза. Слёзы всё ещё текли по щекам, но она чувствовала, как страх немного отпускает.

Четвёртая катастрофа случилась через две недели после того, как Настя вернулась домой.

Они заказали доски для стропил. Настя выбрала самую дорогую древесину — лиственницу, которая не гниёт и не деформируется. Пришлось ждать две недели. Когда доски привезли, оказалось, что часть из них была повреждена — трещины, синева, сколы.

— Нам прислали брак, — сказала Настя, сидя на стуле с гипсом и рассматривая доски.

— Я позвоню поставщику, — сказал Павел.

Он позвонил. Поставщик был вежлив, но непреклонен. Его голос был спокойным, холодным, как сталь.

— Вы принимали товар, — сказал он. — Мы не несём ответственности после приёмки.

— Но вы прислали брак!

— Вы подписали накладную. Все претензии — после осмотра.

Павел бросил трубку и ударил кулаком по столу так сильно, что чашка с чаем подпрыгнула и разбилась, разлетевшись на мелкие осколки.

— Мы не можем ждать ещё две недели, — сказал он. Его голос дрожал от бешенства.

— Мы используем то, что есть, — ответила Настя, и её голос был спокойным.

Они использовали. Настя выбрала доски, которые можно было использовать, хотя знала, что это риск. Павел укладывал их, постоянно проверяя, не треснут ли они. Каждый день он боялся, что конструкция не выдержит.

Через три недели одна из досок треснула — она не выдержала нагрузки. Пришлось разбирать часть крыши и переделывать. Это было похоже на повторяющийся кошмар, из которого они не могли проснуться.

— Это конец, — сказал Павел, сидя на куче обломков. — Мы не сможем.

— Мы должны, — ответила Настя. — Мы обязаны.

Она сидела на стуле, смотрела на него, и в её взгляде была такая решимость, что ему стало страшно.

Пятая катастрофа случилась через месяц после того, как Настя сломала ногу.

Они заметили, что пропадают мелкие вещи. Сначала гвозди, потом саморезы, потом — мешок цемента. Павел начал всё записывать. Он считал каждую доску, каждый мешок, каждый гвоздь. Но это отнимало время, которого у них не было.

В один из дней Настя сказала:

— У меня пропал ящик с инструментами. Дрели, шлифовальные машины, лобзики. Всё, что мы купили за последние три месяца.

Павел стоял посреди пустого холла и молчал. Он смотрел на то место, где стоял ящик, и в его глазах была пустота.

— Это всё, — сказала Настя. — У нас ничего не осталось.

— Я позвоню в полицию, — сказал Павел, но в его голосе не было надежды.

— Они ничего не сделают. Им всё равно.

Павел знал, что она права. Он стоял и смотрел на пустой угол, где стоял ящик, и чувствовал, как надежда ускользает. Медленно, неумолимо, как вода, уходящая в песок.

Они промучились сами полгода.

Павел ничего не успевал. Он брался за всё — электрику, сантехнику, штукатурку, столярку. Но у него не хватало ни знаний, ни инструментов. Он постоянно портил, переделывал, начинал заново. Его руки были в мозолях, спина болела, и каждое утро он просыпался с чувством, что ничего не изменилось.

Настя нервничала из-за испорченных стройматериалов. Она считала каждую копейку, вела таблицы, оптимизировала закупки. Но каждый раз, когда Павел перерасходовал мешок цемента или неправильно нарезал доски, у неё сдавали нервы.

— Ты понимаешь, сколько это стоит?! — кричала она, и голос её срывался.

— А ты понимаешь, что я делаю всё, что могу?! — орал он в ответ.

Они ссорились каждый день. Ссоры были громкими, с криками и обвинениями, а потом наступала тишина — тяжёлая, давящая тишина, когда они не разговаривали часами.

Постоянные ночные поездки в строительный магазин стали рутиной. Они мчались в круглосуточный гипермаркет в час ночи, потому что днём не успевали. Павел приезжал домой в два часа ночи, а в шесть утра уже должен был быть на работе. Он пил энергетики литрами, не спал, трясся от усталости.

Настя работала удалённо, но её рабочий день начинался в шесть утра и заканчивался в десять вечера. Она не знала, что такое выходной. Она не помнила, когда в последний раз читала книгу или смотрела фильм. Дом съедал их жизнь.

Но самое страшное было не в усталости. Самое страшное — это отсутствие результата. Дом почти не менялся. Они вложили столько сил, столько денег, столько ночей без сна — и всё напрасно. Стены всё ещё были кривыми, крыша всё ещё протекала, а окна зияли пустотой.

Павел стоял в холле, смотрел на недоделанные стены и чувствовал, как его мечта рассыпается в прах. Он чувствовал, как внутри него разрастается пустота, как надежда умирает.

— Я больше не могу, — сказал он, и его голос был тихим, почти беззвучным.

Настя стояла рядом, опустив руки. Она не смотрела на него. Она смотрела на стену, и в её глазах была та же пустота.

— Мы не справимся сами, — сказала она.

Она заплакала. Тихо, беззвучно, как она делала это уже много раз, когда думала, что он не видит.

Они поругались так, что Настя собрала вещи и уехала к матери на три дня.

Павел остался один. Он сидел на полу в пустом холле, смотрел на недоделанные стены и чувствовал, что его жизнь разваливается на куски.

Он вспоминал, как всё начиналось. Как они стояли на этом же месте, держась за руки, и мечтали. Как он обещал ей, что они сделают этот дом красивым. Как она верила ему.

— Я не могу, — прошептал он в тишину.

Дом молчал. Только ветер завывал в трубах, и ему казалось, что дом смеётся над ним.

Когда Настя вернулась, она была спокойна. Решительна. Она стояла в дверях, опираясь на костыли, и смотрела на него.

— Мы должны нанять профессионалов, — сказала она. — Иначе мы разведёмся или обанкротимся. Другого выхода нет.

Павел кивнул. Он знал, что она права. Он чувствовал, что если они продолжают так, то потеряют друг друга.

— Хорошо, — сказал он. — Мы наймём профессионалов.

Они начали искать строительную бригаду на следующее утро после того, как Настя вернулась от матери. Она сидела на кухне, опираясь на костыли, и смотрела на Павла, который листал старые контакты на своём телефоне. В комнате было тихо. Только тикали настенные часы, отсчитывая секунды, которые казались бесконечными.

— Нам нужно найти профессионалов, — сказала Настя, и голос её звучал устало, но твёрдо. — Мы не можем продолжать сами. У нас нет ни знаний, ни сил.

— Я знаю, — ответил Павел, не поднимая глаз. — Я пытаюсь найти кого-то, кто сможет взяться за такой объект. Это не просто дом. Это памятник.

— Я знаю, что это памятник, — сказала Настя. — Но нам нужны люди, которые понимают, как работать с такими зданиями.

Павел поднял на неё глаза. В них была усталость, но также и решимость — та самая решимость, которая когда-то заставила её влюбиться в него.

— Мы найдём, — сказал он. — Мы обязательно найдём.

Первым делом они позвонили в крупную строительную компанию, которую рекомендовали знакомые. Приехал прораб в дорогом костюме, с планшетом в руках и с видом человека, который делает одолжение, что вообще согласился приехать. Он окинул дом взглядом, покрутил головой, поцокал языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.